

В.В. Розанов

Апокалипсическая секта
хлысты и скопцы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В.В. Розанов**
Апокалипсическая секта: хлысты и скопцы / В.В. Розанов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-517-82170-6

Сочинение В. В. Розанова. Санкт-Петербург. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1914 года.

ISBN 978-5-517-82170-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

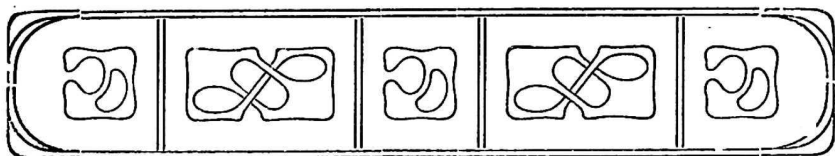
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мечта „духовныхъ христіанъ“

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтриль
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры дивныя свѣтилъ...

Лермонтовъ

I.

Уже въ началѣ XVIII вѣка св. Димитрій Ростовскій въ „Розыскѣ о Брынской вѣрѣ“ записалъ такое странное толкованіе Евангелія нѣкоторою частью имъ наблюдававшихся раскольниковъ: они говорили, напр., что въ извѣстномъ разсказѣ о бесѣдѣ Спасителя съ самарянкой „дѣла не было, а притча есть“. Именно, что „самаряныня“ — это *душа человѣческая*, „кладезь“ — это *крещеніе*, „вода жива“ — *духъ святой*, „пять мужей“ — *пятеры Книги Моисеевы*. Также точно Лазарева воскресенья *не было „въ дѣлѣ“* (т. е. какъ *факта* его не было), но „*притча есть*“. „Лазарь-бо боляй толкуется: *умъ нашъ*, немошцію *человѣческою* побѣждаемый. *Смерть* Лазарева — *грѣхи*. *Сестры* Лазаревы — *плоть и душа*; *плоть* — Марѳа, *душа* — Марія. *Гробъ* — это *житейскія попеченія*. Камень на гробѣ — *окаменение сердечное*. Обвязанъ Лазарь *укроями* — это *плетцями духовными* *умъ связанный*. *Воскресеніе* Лазарево — *покаяніе* отъ грѣховъ“.

Вдумаемся въ этотъ отрывокъ, и мы замѣтимъ въ немъ поворотъ духовный, діаметрально противоположный направленію, въ которомъ шли „буквенники“, люди стараго обряда, „Исуса“ и „аллилуйи“. Факты, въ Евангеліи переданные, исторія спасенія рода человѣческаго, тамъ записанная,—какъ бы блѣднѣютъ здѣсь, затуманиваются передъ духовнымъ взоромъ читающихъ. Искупленіе, какъ *совершившійся фактъ*, какъ твердая опора *позади* насъ, изъ которой мы исходимъ, на *основаніи* которой лично каждый изъ насъ спасается,—не ярко ощущается. Пройдетъ немного времени, еще поколѣніе смѣнится,—и станетъ возможно понимать это искупленіе какъ *задачу*, какъ *работу* духа, какъ фактъ *продолжающійся теперь*, снискиваемый *собственными* нашими *усиліями*.

Что такое Евангеліе, какъ не посохъ, на который мы опираемся, бродя и ища этого спасенія? Это—собраніе небесныхъ глаголовъ, святыя строки, подъ которыми мы должны разгадывать подлинную мысль Саваоѳа. Главное—объектъ спасенія, я самъ, моя грѣшная *душа*: объ этой *овцѣ потеряющейся* писано Евангеліе. *Вниманіе отходитъ отъ писанной книги Божіей*, оно скользитъ по ней какимъ-то боковымъ, разсѣяннымъ взглядомъ, и всею силою падаетъ внутрь другой, не писанной, а созданной *вещной* книги Божіей—самого *человѣка*. Вотъ—загадка! вотъ—книга, которая испорчена *первороднымъ грѣхомъ*, въ которой истинное сплетено съ ложнымъ, святое съ лукавымъ, свѣтъ съ тьмою; и правильный текстъ которой нужно и предстоитъ возстановить при помощи писанной Божіей книги, гдѣ нѣтъ лукавства! Такимъ образомъ, задача послѣ-Никоніанскихъ временъ, понятая „старовѣрчествомъ“ какъ *задача спасенія древнихъ книгъ и обряда*, древняго типа святости,—преобразившись и одухотворившись, выразилась здѣсь

какъ *задача* огромной *внутренней работы*. Въ слѣдующемъ *духоборческомъ* стихѣ ясно высказался этотъ *разрывъ съ преданіемъ*; это *отпаденіе отъ буквы*, неопредѣленность *новыхъ наступившихъ блужданій*:

Стечемся, братіе,
Во храмъ *нерукотворный!*
Поклонимся *духомъ*
Истинному Богу!
Онъ единъ услышитъ насъ,
Живѣ намъ *спасеніе*,
Проявитъ милость многу
На свое твореніе.
Возопіемъ, братіе,
Мы устами духа:
Услыши насъ, Господи,
Не затвори слуха!
Сотворивый разумомъ
Весь міръ, всю природу,
Даруй намъ, рабамъ твоимъ,
Вѣчную свободу!
Да *внеплемъ* словамъ Твоимъ
Разумнымъ *слухомъ*,
И *летимъ* къ Тебѣ, Боже,
Свободнымъ *духомъ*.
Да *ищемъ* въ премудрости
Мы Твоей *познанья*;
Не лишн рабовъ Твоихъ,
Боже, *упованья*.

Въ этомъ стихѣ мы ясно чувствуемъ потерянную почву Православія, почву церковнаго строительства, уже имѣвшаго мѣсто восемнадцать вѣковъ. Прекрасныя, благородныя усилія, которыя, мы ожидаемъ, оборвутся...

II.

Въ усиліяхъ, которыя человѣкъ дѣлаетъ къ спасенію, онъ *помогаетъ* дѣйствию надъ собой благодатныхъ силъ Божіихъ. Онъ долженъ *возбуждать* въ себѣ эти душевныя теченія, и искать для этого возбужденія *средствъ*, не пренебрегая даже физическими, еслибъ они нашлись; и, разъ возбужденныя, эти теченія движутся, какъ и благодатныя, *смѣшиваясь* съ ними, имъ родственныя, къ нимъ *близкія*. Вотъ точка отправленія „*Божіихъ людей*“, „*пророчествующихъ*“, генетически связанныхъ съ спокойными, созерцательными вѣтвями духоворчества, какъ *молоканство* ¹⁾, которое удержалось на первоначальной неопредѣленно-общей ступени духоворческаго исканія. Самая узкая, но и вмѣстѣ страстно-глубокая вѣтвь духоворчества, порвавъ почти всякую связь съ христіанствомъ и только обнимая имя Іисусово, бросилась въ головокружительную бездну новаго религіознаго созиданія. Она потеряла границу между человѣческимъ и Божескимъ; Богъ пересталъ быть для этихъ людей „*премірнымъ*“ (терминъ отцовъ церкви александрійской школы); Онъ приблизился, Онъ обнялъ духъ человѣческій, встревоженный, взволнованный; и вотъ—„*пророчествующіе*“. Слова Іоіила: „и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа Моего на *всякую* плоть, и *прорекутъ сынове ваши и дщери*“,—они чувствуютъ, что эти слова сбылись, сбываются. Понятно слишкомъ,

¹⁾ Въ изслѣдованіяхъ, по порученію правительства сдѣланныхъ, не разъ указывается, что „есть какая-то связь между хлыстовщиной и молоканствомъ“. Но это связь психологическая, а не фактическая.

что наша завѣщанная древностью литургія, эта *фактическая* литургія, гдѣ все есть *установленное* дѣйствіе, и каждое дѣйствіе есть воспоминаніе *бывшаго* факта,—не могла бы ничего выразить у нихъ, перестала быть имъ нужною; также какъ перестали быть нужными и что-нибудь выражающими и формы нашей молитвы. Для насъ молитва есть *обращеніе* къ премірному Богу, это—моленіе, которое будетъ услышано или не услышано: мы остаемся при немъ пассивными или, по крайней мѣрѣ, въ страдательномъ положеніи; для нихъ—это *общеніе* съ Богомъ, это—слиянiе силъ своихъ съ Божескими, нѣкоторое состояніе экстаза, исполненное движенія. Отсюда—возникновеніе, естественное развитіе такъ называемыхъ „радѣній“, явленія столь невыразимо страннаго на нашъ взглядъ, у *Христовщины* (въ просторѣчii называемой „хлыстовщиною“). „Радѣніе“—тѣ же, что „работа“, трудъ, движеніе, въ религіозныхъ цѣляхъ совершаемое; „работа *Израилева*“, какъ называютъ эти радѣнія сами „хлысты“. Общины или „братства“ хлыстовскія, очевидно чувствуя странность своего положенія среди Православія, какъ бы смѣщенность свою съ его почвы, которую однако они продолжаютъ любить и чтить,—называютъ себя „кораблями“: характерное названіе, выражающее чувство разобщенія съ моремъ остальныхъ людей, среди котораго они одиноки не столько *въ вѣрѣ*, сколько въ *способахъ* вѣрить, думать, уповать, молиться, въ самомъ *методѣ* спасенія. На такъ называемыхъ „корабельныхъ радѣніяхъ“, т. е. *общихъ*, куда собирается *все* братство, всегда въ ночь передъ большимъ праздникомъ,—нашимъ *православнымъ* праздникомъ,—они послѣ торжественнаго пѣнія опять *нашего* православнаго канона: „*Богоотецъ убо Давидъ предъ спящимъ ковчегомъ скакаше, играя; людѣи-же Божіи святей образъ сбытіе зряще,*

весселимся божественно“ (поется на Св. Пасхѣ)—уносятся въ вихрь головокружительной пляски. Удивительно наблюдать сочетаніе этихъ оборванныхъ кусковъ Православія съ потокомъ религіознаго конвульсіонерства, не имѣющаго ничего общаго ни съ одною христіанскою церковью,—эту память, которая лѣпится къ *своему прошлому историческому*, и, очевидно, не въ силахъ была противостоятъ новымъ порывамъ. Въ длинныхъ и широкихъ бѣлыхъ рубахахъ—символь „убѣленныхъ одеждъ“, о которыхъ говорится въ XIV-й главѣ *Апокалипсиса*,—они прыгаютъ, трясутся, кружатся (неизмѣнно „пó-солонь“, какъ въ до-Никоновской церкви), кружатся то въ-одиночку, то „всѣмъ кораблемъ“, то образуя фигуру круга, то—креста, до изнеможенія, до полного упадка силъ, послѣ котораго „шатаются какъ мухи“. Безъ сомнѣнія, какъ всякое чувство въ насъ вызываетъ движеніе, такъ и обратно:—движенія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, особенныя, могутъ если не зародить, то усилить уже имѣющееся чувство, ускорить его темпъ и, слѣдовательно, напряженность. Круженіе, какъ средство довести до величайшаго напряженія религіозно-вакхическій экстазъ, было, вѣроятно, постепенно найдено, „открыто“ хлыстами, и нисколько не было заимствовано ими отъ мало-извѣстныхъ древнихъ сектъ. Таковы были „галлы“ и „корибанты“, буквально—„головотрясы“, въ позднюю греко-римскую эпоху; у римлянъ—коллегія жрецовъ „салиевъ“, то есть „скакуновъ“; и еще ранѣе подобныя же религіозныя пляски исполнялись въ древней Финикіи и Сиріи. Мы назвали это религіозно-вакхическимъ экстазомъ; дѣйствительно, родъ опьяненія испытывается ими при этомъ, какъ это простодушно выражается крестьянами-хлыстами: „то-то *пивоушко-то*“, говорятъ они послѣ радѣнія, и поясняютъ постороннимъ:

„человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а *пьянъ бываетъ*“. Если мы вспомнимъ, что сущность ученія „христовщины“ есть аскетическое воздержаніе отъ мяса, вина и брачныхъ отношеній,—мы слишкомъ поймемъ необходимость и какъ бы невольность этихъ психическихъ опьяненій. Связь ихъ собственно съ „пророчествомъ“ ясна изъ того, что всякій, кому указываетъ наставникъ или кто самъ хочетъ „*стать на святой кругъ*“, то есть начать пророчествованіе передъ „кругомъ“ ¹⁾ братьевъ и сестеръ,—предварительно непременно кружится, очевидно возбуждая себя. Приведемъ, для характеристики ихъ религіозныхъ представленій, слѣдующую пѣсню хлыстовъ-скопцовъ:

Царство ты, Царство, духовное Царство!
 Во тебѣ во Царствѣ—благодать великая:
 Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.
 Они въ тебѣ живутъ и не унываютъ,
 На Святаго Духа крѣпко уповаютъ.

.
 Въ томъ-ли во Царствѣ—сады превеликіе;
 Въ тѣхъ-ли во садахъ—древа плодовые.

.
 Растите-жъ вы, деревушки, и не засыхайте,
 Бѣлыми цвѣточками всегда расцвѣтайте;
 Вы цвѣты цвѣтите до Царства Небеснаго.
 Будьте вы, деревушки, первые во садѣ;
 Будьте во главѣ во Царствѣ Небесномъ,
 Будьте вы любимы Отцу и Сыну,
 Отцу и Сыну и Святому Духу!

¹⁾ То же, что „кругъ“, „рада“ у казаковъ; происхожденіе слова очевидно южно-русское. Можно высказать предположеніе, что какъ Кондратій Селивановъ, изобрѣтя скопческій актъ, сталъ „богомъ“ у нѣкоторой части хлыстовъ, такъ Данила Филипповичъ былъ обожествленъ *всею* сектой хлыстовъ собственно за *изобрѣтеніе опьяняющаго круженія*, положившаго начало ихъ сектѣ.

Кругъ, въ которомъ вертятся *Божіи люди*, они называютъ „*вертоградомъ*“, а составляющихъ его братьевъ и сестеръ—„вертоградными и садовыми *деревами*“. Въ пѣснѣ образно представляютъ они себя и свое отношеніе къ Небесному Царству.

III.

Духоборчество закончилось въ скопчествѣ,—сектѣ, которая возникла въ 60-хъ годахъ XVIII-го вѣка среди хлыстовъ. Слишкомъ много сошлось теченій въ немъ, которыя всѣ подводили къ заключающейся въ этой сектѣ мысли, чтобы она могла не появиться, позднѣе или ранѣе. И прежде всего—*возвеличеніе чловѣка*: средоточіе постоянныхъ восходящихъ и нисходящихъ религіозныхъ токовъ, вѣчно ожидающій на себя „изліянія Св. Духа“, предсказаннаго пророкомъ Іоилемъ и подтвержденнаго ап. Іаковомъ „всякой плоти въ послѣдніе дни“,—онъ могъ не только принять свои экстазы за подлинно бого-вдохновенные, но и почувствовать, что эта бого-вдохновенность *течетъ изъ него самого*, что онъ *самъ есть источникъ* Божескаго или близкаго къ Божескому. Отсюда странныя, невѣроятныя представленія, бродившія уже у Божіихъ людей еще въ срединѣ XVIII-го вѣка. Сходясь, они испытывали силу духа другъ друга; не забудемъ, что это совершалось въ средѣ простого крестьянства; и вотъ бывало, что среди людскаго собранія „корабля“ раздается ударъ по лицу: окровавленный „братъ“ не только удерживается отъ отвѣта, но и подставляетъ „другую ланиту“, исполняя точно слова Евангелія.

Чѣмъ болѣе можетъ перенести *божій чловѣкъ*—тѣмъ болѣе полонъ онъ божественныхъ силъ. Сшибленъ-

ный съ ногъ, или слыша нестерпимую обиду въ словѣ, онъ молчитъ, чтобы на завтра имѣть возможность гордо сказать обидчику: „Мой Богъ больше“, то-есть „*во мнѣ больше, чѣмъ въ тебѣ, Бога*“. Иногда это выражалось даже въ словахъ: „Я—больше *Богъ*“.— „О, и куда-же твой Богъ великъ!“ сказала Селиванову, еще безвѣстному бродягѣ, одна „пророчица“ хлыстовскаго корабля, которая вступила съ нимъ въ родъ духовнаго состязанія и была побѣждена. Отсюда—необыкновенные знаки внѣшняго почитанія, какіе оказывали при встрѣчѣ другъ съ другомъ эти люди. „Братъ“, встрѣтивъ гдѣ-нибудь „брата“ или „сестру“,—если не было никого постороннихъ,—крестился и клалъ земной поклонъ „передъ образомъ и подобіемъ Божиимъ“. Представленіе о *богоподобности человека* было, такимъ образомъ, уже вполне развито въ средѣ „*Божьихъ людей*“, откуда вышло скопчество; оно было вполне тамъ привычно: они всѣ были маленькіе „божки“, и потому не были вовсе поражены, когда, затмевая ихъ, отмѣтая ихъ „пророковъ“, среди ихъ поднялся „большой богъ“, самъ „Спаситель Іисусъ Христосъ“¹⁾. Далѣе—идея аскетическая, собственно скопческій актъ. Та „вѣчная свобода“, о „дарованіи“ которой просятъ духоборцы въ приведенномъ выше стихѣ, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ свободы, которое употребляемъ мы. Ихъ „свобода“—это *свобода духа отъ тѣлесныхъ узъ*. Ради ея они „вертятся“, и тогда душа

1) Въ „Страдахъ“ Селиванова (родъ автобіографіи) можно видѣть, до чего скопческая мысль стала *тотчасъ понятна* хлыстамъ и вмѣстѣ *испугала* ихъ, до чего почувствовали они *беззащитность* свою противъ этого вывода изъ собственныхъ психологическихъ посылокъ. Они хотѣли его убить, его—искалѣченнаго „молчанку“; донесли на него властямъ; и, въ то же время, провозгласили его „богомъ надъ богами, пророкомъ, надъ пророками“.

воспаряетъ на крыльяхъ—они „пророчествуютъ“; но это—экстазъ, моментъ: онъ прошелъ, и душа снова въ узахъ тѣла. Естественно могла и должна быть возникнуть мысль о *длительномъ средствѣ* освободится отъ этой тягостной оболочки, отъ вѣчно язвящаго, кусающаго, *живого* грѣха, который мы носимъ въ своемъ тѣлѣ. И „радѣніе“—тоже физическое средство, уже найденное, могущественное,—оно тоже минутно. Внѣшнее искаженіе себя—оно близко, оно ходитъ около всякаго конвульсіонерства, если послѣднее есть средство, *усиліе* къ экстазу. Наконецъ, послѣдняя идея—вторично нужнаго и возможнаго „искупленія“. Мы уже сказали, какъ блѣдно, слабо духовборцы ощущали всякій *фактъ* и ярко чувствовали *надежду*. Вслѣдствіе этого вся Библія и Евангеліе освѣтились для нихъ, какъ одно великое пророчество, какъ зовъ или какъ прообразъ внутреннихъ духовныхъ отношеній въ человѣкѣ: *не было* бесѣды Иисуса съ Самарянкою „въ дѣлѣ“, *не было* вшествія Иисуса въ Іерусалимъ, воскресенія Лазаря, а были только—„*притчи*“. Итакъ, весь актъ искупленія, уже совершившійся, который они не смѣли отвергать, поблѣкъ для нихъ въ себѣ самомъ, и отъ этого именно осыпался въ своихъ подробностяхъ. Имя Иисуса было постоянно на ихъ устахъ; всѣ собранія хлыстовъ открывались и до сихъ поръ открываются этою пѣсню:

Дай намъ, Господи, *кѣ намъ*
Иисуса Христа!

Отъ имени постоянно призываемаго Христа и, до извѣстной степени, отъ этой пѣсни, которой они придаютъ необыкновенный мистическій смыслъ ¹⁾, они по-

¹⁾ Хлысты, равно какъ и скопцы, увѣрены, что эта пѣсня (довольно безсвязный наборъ словъ) есть *та самая* неповторимая ни